

ОЛЕЙНИКОВ Николай Макарович, псевдонимы - Макар Свирепый, Николай Макаров, Сергей Кравцов, /23.7(5.8).1898, станица Каменская области Войска Донского, - 24.11.1937, Ленинград/ - поэт, журналист.

Из семьи казаков. Обучался в реальном училище и учительской семинарии. К периоду юности относятся первые литературные опыты О. и пробуждение интереса к математике, который впоследствии повлиял на формирование натурфилософского мировоззрения поэта и отразился в тематике некоторых произведений. После событий 1917 О. участвовал в действиях отрядов революционных партизан в Красной армии. В 1920 вступил в РКП(б) и стал членом редколлегии газеты станицы Каменская “Красный казак”, в которой появились его первые журналистские материалы. В 1921 был приглашен в г.Бахмут (позднее Артемовск) Донецкой губернии на должность ответственного секретаря редакции газеты “Всероссийская кочегарка”. В 1923 создал литературный журнал “Забой” и организовал работу его редакции. Параллельно сотрудничал в ростовской газете “Молот”. Общась с начинающими литераторами, задумал и начал собирать коллекцию их графоманских опусов, оказавших определенное влияние на его собственное поэтическое творчество. В 1924 О. - один из учредителей писательской организации Донбасса, а через год - получает направление ЦК партии на работу в газете “Ленинградская правда”.

С 1925 начинается новый этап в жизни О. Он стал сотрудником редакции ж.“Новый Робинзон”, где напечатал “**Кохутек**”, свой первый рассказ для детей. О. познакомился с будущими обэриутами А.И.Введенским и Д.И.Хармсом, ставшими, как и Е.Л.Шварц, ближайшими друзьями писателя. В 1926 выступает в детском альманахе “Советские ребята” в новом жанре публицистики для детей. В 1928 организует выпуск ленинградского журнала для детей “Еж” (“Ежемесячный Журнал”), сотрудниками которого, кроме Шварца и обэриутов, становятся К.И.Чуковский, С.Я.Маршак, М.М.Пришвин, И.Л.Андроников и другие талантливые писатели. Очерки, рассказы и статьи О. появляются в журнале под разными псевдонимами. Основная литературная маска О. тех лет - “Макар Свирепый”. В редакции “Ежа” царил атмосфера розыгрышей и мистификаций, в которых поэт принимал самое деятельное участие. В 1930 по инициативе О. начал выходить “Чиж” - “Чрезвычайно Интересный Журнал”.

До 1934, когда поэт стал членом Ленинградской писательской организации, а затем делегатом Первого съезда писателей, были выпущены двенадцать его книг для детей. В 1934 состоялась единственная прижизненная публикация “взрослых” стихов О. в сборнике “30 дней” (№10), вызвавшая официальную реакцию в виде статьи А.Тарасенкова “Поэт и муха” (“Литературная газета”, 10 декабря). Через полгода в “Правде” появилась статья, критикующая прозу О. для детей. Продолжалась работа О. для маленьких читателей в “Чуже”, в новом детском ж.”Костер”, создание текстов театральных инсценировок, либретто и киносценариев. После закрытия “Ежа” О. готовит издание московского ж.”Сверчок”, первый номер которого был выпущен в начале 1937. 3 июля этого же года О. был арестован НКВД, затем осужден как “враг народа” и “шпион” и 24 ноября расстрелян. Реабилитирован посмертно в 1957. С конца 1960-х, по мере публикации его произведений, начинается открытие “взрослого” О.

В составе этих произведений более сотни стихотворений и две поэмы. Ироническое творчество О. достаточно однородно по тематике и стилистике. Квазилирический герой, маска автора, - донжуанствующий или философствующий пошляк-обыватель, унаследовавший некоторые черты Козьмы Пруtkова, “внуком” которого называл себя сам О. Подобно своим предшественникам, О. культивировал у окружающих представление о себе как о равнодушном к широкой славе гениальном остроумце, чему служило многократное обращение к жанру шуточного мадригала или послания “на случай”. Основной темой их образцов является тема любви, самое частотное определение которой - “страсть”, иногда - “вожделение”. О., по словам Л.Я.Гинзбург, пользуется “галантерейным языком” - причудливым сочетанием псевдоромантических клише, высокопарных фраз и контрастирующих с ними просторечий. Самые характерные элементы поэтического словаря О. тех лет - “дамочка” и “красавица” (независимо от возраста героини или адресатки стихотворения). О. намеренно примитивизирует форму: использует рифмы типа “любовь-кровь”, иногда сознательно ломает рифмовку (“**Любовь**”, 1927); применяет к объекту “любви” самые нелепые сравнения (“**Т.Н.Глебовой**”, 1931: “Для кого вы - дамочка, для меня - завод,/ Потому что обаяния от Вас дымок идет.”). При этом в сознании своего героя О. обнажает характерное для карнавалльно-шутовской традиции свойство: “страсть”

обуславливает функционирование внутренних органов, от голода и насыщения до физического разрушения тела (**“Лидии”**, предп. 1931: “Пожалейте, Лидия,/ Нового Овидия./ ...Чтоб мое питание/ Вновь восстановилось.”). Иногда процесс еды стимулирует развитие чувств: герой **“Короткого объяснения в любви”** (1928) “загорается” во время ужина, когда “пищей нагружен” и потому уже готов к восприятию дамы-сотрапезницы как своеобразного “эстетического” объекта (“Гладкая кожа./ Ест не спеша.../ Боже мой, Боже,/ Как хороша!”).

Объектом пародического использования, кроме заимствования традиционных черт поэтики графоманов, часто становятся и высокие образцы. Так, в стих. **“Генриху Левину...”** (1932) - реминисценции из лермонтовского “На воздушном океане...”, в стих. **“Шуре Любарской”** (1932) - из некрасовского “Перед дождем”, в бурлескном послании **“Деве”** (1930?) - контаминация пародических цитат: “Пускай уж я не тот! Но я еще красивый!/ Доколь в подлунной будет хоть один пиит./ Еще не раз взиграет в нас гормон игривый./ Пусть жертвенник разбит! Пусть жертвенник разбит!”

1932 год - пик творчества О.-поэта. Развивая тему “страсти”, О. гиперболизирует ее животность детализацией телесного описания (**“Шуре Любарской”**), фокусирует внимание на ее разрушительном действии (**“Послание /на заболевание раком желудка”**), обращается к комическому нравоучению (**“Быль, случившаяся с автором в ЦЧО”**, **“Чревоугодие”**). Наконец, лирический герой стих. **“Служение науке”** декларирует: “...Я перестал безумствовать и пламенеть,/ И прежняя в меня не лезет снесь”. Взгляд квазилирического “я” обращается к деталям окружающего мира: “Мечты о спичках, мысли о клопах,/ О разных маленьких предметах...”; его интересует геометрическая, архитектурная гармония отделенных от человеческого мира элементов природного механизма (**“Озарение”**, **“Бублик”**).

В 1933 метрический репертуар О. продолжает расширяться, в стихотворения (большинство их не имеет точной датировки) вводятся новые темы. В число персонажей все чаще попадают очеловеченные птицы и насекомые (**“Смерть героя”**, 1933; **“На день рождения Т.Г.Г.”**, 1933; **“Муха”**, 1934; **“Таракан”**, 1934), посвященные им сюжеты приобретают трагическое начало. Природной идиллии (**“Из жизни насекомых”**, 1934?) противостоит человеческий мир с его сомнительной разумностью (**“Чарльз Дарвин”**, 1933: “Однако синичка сложна./ С ней рядом я просто бездарен...”) и бездушием (**“Таракан”**: “Но наука доказала,/ Что душа не существует,/ Что печенка, кости, сало -/ Вот что душу образует.”). Логическим завершением темы природной гармонии в творчестве О. представляются его поэмы 1937 года. В **“Вулкане и Венере”** - параллелизм мотивов развития любовной страсти и физических процессов природы; в торжественном описании природной стихии (в шестой главке поэмы) различимы отзвуки поэтических картин Тютчева. Натурфилософская поэма **“Пучина страстей”** - полуиронический апогей развития темы поисков смысла жизни и математического совершенства в одухотворенном мире (“Вижу смыслы в каждой травке,/ В клюкве - скопище идей”, “Геометрия - причина/ Прорастания стеблей.”). Воплощению той же темы, сближающему поэтику О. с поэтикой Хармса и Н.А.Заболоцкого начала 1930-х, посвящены многие произведения этого периода творчества автора (**“Неуловимы, глухи, неприметны...”**, 1937; стихотворные фрагменты 1935-1937 гг.). К 1936 относится поэтический цикл **“В картинной галерее (Мысли об искусстве)”**, отличающийся чередованием разных видов пафоса. Стихотворения 1937 года **“Графин с ледяною водою...”** и **“Птичка безрассудная...”**, наиболее приближенные к чистой лирике, отражают трагические предчувствия поэта.

Соч.: Стихотворения. Бремен, 1975; Иронические стихи. Нью-Йорк, 1982; Перемена фамилии. М., 1988; Я муху безумно любил. М., 1990; Пучина страстей. Л., 1991; Поэты группы “ОБЭРИУ”. СПб., 1994.

Лит.: Л.Флейшман. Маргиналии к истории русского авангарда. - в кн.: Стихотворения. Бремен, 1975; Л.Я.Гинзбург. Николай Олейников. - в кн.: Человек за письменным столом. Л., 1989; А.Н.Олейников. Поэт и его время. - в кн.: Пучина страстей. Л., 1991.

Источник: Русские писатели 20 века: Биографический словарь / Гл. ред. и сост. П.А.Николаев. М., Большая Российская энциклопедия; Рандеву – А.М., 2000. С. 516-518.